

Однако задвигались лишь их глазные яблоки.

Сами тела, окоченевшие и неестественно прямые, оставались неподвижными; застыв в благоговейном, почти религиозном трепете, эти люди безотрывно смотрели в сторону вершины, словно паломники на священную гору.

Тяжёлая туча наплыла с востока, заслонив лунный диск, и берег мгновенно погрузился в непроглядный мрак. Именно тогда Харе уловил доносящийся впереди глухой, надрывный треск — шорох, похожий на то, как сухие ветви медленно трутся друг о друга. Звук был тихим, едва различимым, но от него по коже пробежал леденящий мороз.

Ветер быстро угнал тучу прочь. Бледное сияние вновь хлынуло на землю, и жуткий скрежет тут же смолк, растворившись в ночной тишине.

Харе нахмурился, вглядываясь в стоящие в воде фигуры. Сквозь плоть он отчётливо видел, как в животе каждого из этих несчастных копошится чужеродный клубок, напоминающий переплетённую грибницу. Тонкие склизкие нити гиф, окутанные ядовитой фиолетово-чёрной проклятой энергией, пульсировали зловещим светом.

Ситуация принимала скверный оборот: у большинства заражённых эти паразитические отростки уже оплели конечности, добравшись до самых пальцев. Судя по отчётам «Окон», шёл шестой или седьмой день болезни — критический срок. Стоя в ледяной реке, люди медленно превращались в проводники: из их подошв в каменистое дно уходили тонкие белёсые волокна, всасывая влагу подобно древесным корням.

У тех, кого грибница поглотила сильнее, кожа покрылась глубокими бороздами, напоминающими кору. Кое-где мочки ушей уже истончились и зазеленели, превращаясь в древесные листья, а пальцы рук вытянулись, усохли и стали походить на сухие узловатые ветви.

— Эй, Наоя... — тихо позвал Харе. — Ты слышал этот звук?

— Так они молят о пощаде, — Наоя поднялся с колен, небрежно отряхнул с подола традиционного жакета хаори прилипшие прелые листья и равнодушно пожал плечами. — Только вот незадача: я не владею обратной проклятой техникой. Когда сюда доберутся штатные маги, эти бедолаги уже окончательно пустят корни.

Харе приоткрыл было рот, но возразить ему было нечего — сам он исцелять тоже не умел. Молча развернувшись, он продолжил упрямо пробираться вверх по склону. Вдруг в его голове вспыхнула шальная мысль, и он принялся настойчиво звать Сукуну.

Король проклятий, до последнего игнорировавший назойливый мысленный зов, наконец снизошёл до ответа. Голос его прозвучал прямо в сознании мальчика — ленивый, недовольный и сонный, будто его только что вырвали из глубокой дремы:

— Я отказываюсь.

На самом деле Дзуликий вовсе не спал, а просто предавался праздной скуке на своей горе черепов, но упустить возможность со старта обломать мальчишку он не мог.

Харе возмутился:

«Да как так-то? Я ведь даже попросить тебя не успел!»

— Ха-ха, — Сукуна издал тихий, издевательский смешок. Подперев кулаком щеку, он даже не соизволил приоткрыть глаза. — Мысли у тебя, сопляк, примитивные. И дураку ясно, к чему ты клонишь. Небось решил вымолить у меня обратную проклятую технику, чтобы спасти этот мусор в реке? Скука смертная. Размечтался.

«...»

Чёрт. Срезал на взлёте.

У Харе не нашлось ни единого аргумента в защиту своего плана. Да и глупо было уговаривать Короля проклятий проявить милосердие — это всё равно что просить ураган не ломать крыши. Но сквозь сквозящее пренебрежение проскользнула важная деталь: Сукуна действительно мог это исправить.

Заметив, что парень притих, Дзуликий неожиданно сменил гнев на милость, в его голосе проснулся азарт:

— Что, уже сдал назад? И даже не попытаешься умолять?

«А если взмолюсь, ты согласишься?» — мысленно спросил Харе. Для него гордость не имела значения, если на кону стояли чужие жизни.

— А ты разрыдаешься, если я скажу «нет»? — глумливо парировал Сукуна. Сарказм в его интонациях можно было черпать ложками.

Перед глазами Харе тут же вспыхнуло воспоминание о том, как однажды он рыдал перед проклятием, не в силах вымолвить ни слова от накатившей беспомощности. Щёки мгновенно вспыхнули от жгучего стыда. Хотелось провалиться сквозь землю. Какое же позорище!

Уши предательски заалели, и он яростно выпалил в ответ:

«Черта с два! Даже не надейся! То была чистая случайность. Если я ещё хоть раз заплачу перед тобой — можешь звать меня паршивой псиной. Нет, лучше сразу вырви мне глаза!»

— Хм-м... — Сукуна утробно рассмеялся, явно довольный тем, как легко удалось раззадорить мальчишку. — Тогда потешь меня, мелкий. Заслужи мою милость.

Мальчик на мгновение задумался, взвешивая шансы:

«И если я сделаю то, что ты хочешь, ты спасёшь тех людей?»

Но тут же оборвал сам себя, осознав очевидное:

«Хотя нет. Тебе просто нравится измываться надо мной».

— Ого, да ты у нас, оказывается, проницательный, — протянул проклятый дух, ослабившись.

— Не строй из себя знатока моей души, сопляк. Помогу я им или нет — зависит исключительно от того, насколько изощрённо ты будешь пресмыкаться.

Пока этот мысленный диалог разворачивался в голове Харе, шедший рядом Наоя, разумеется, ничего не слышал. Он лишь косился на помрачневшего подростка, который с суровым видом, не разбирая дороги, упрямо топал вперёд.

У этого мальчишки были удивительные глаза — большие, сияющие, точь-в-точь как у преданного щенка. Когда он улыбался или заговаривал, они вспыхивали небесной синевой, чистой и глубокой, словно огранённые сапфиры. Но стоило его лицу окаменеть, как взгляд делался пугающе чужим и ледяным. Казалось, под этой нежной, взлелеянной в любви оболочкой скрывается нечто тёмное, хищное и бесконечно холодное.

«Тьфу, да какая мне разница, что он там за птица?» — Наоя тряхнул головой, отгоняя наваждение. Рассматривать малолетку и копаться в его психологии — занятие глупее не придумаешь.

Однако Харе слишком торопился. Впереди, сквозь густые заросли, уже проглядывали очертания ярко-красных ворот-тории, венчавших подъём к храму. В темноте мерцали огоньки факелов и мелькали неясные силуэты. Если парень продолжит переть напролом, их обнаружат в два счёта.

Настигнув спутника, Наоя бесцеремонно ухватил его за плечо, осаживая назад:

— Сбавь обороты, маг недоделанный. Слишком торопишься.

«И чего же ты от меня требуешь?» — именно в этот миг мысленно допытывался Харе у Сукуны. Почувствовав, как чужая ладонь легла на его плечо, мальчик замер и с недоумением воззрился на Наою, немо спрашивая: «Чего тебе?»

Тот надавил сильнее, заставляя его пригнуться к земле, и, прищурившись, указал сквозь заросли сухого камыша на мерцающие огни:

— Там, наверху, то самое святилище. Как видишь, у входа выставлен дозор...

Дзэнъин внезапно замолчал. На его холёном лице проступило замешательство. Он перевёл взгляд на собственные пальцы, сжимавшие плечо Харе, и нахмурился:

— Погоди. Почему ты такой ледяной?

Перед выходом подросток нацепил на себя целую кучу одежек — и плотное кимоно, и традиционный жакет хаори поверх него. На вершине горы, конечно, гулял пронизывающий ветер, но не до такой же степени, чтобы тепло тела не пробивалось даже сквозь несколько слоёв плотной ткани. От него веяло натуральным могильным холодом.

— Всё в порядке, я всегда мёрзну. Да и проголодался знатно... — легкомысленно отмахнулся Харе.

В этот момент в его голове вновь раздался вкрадчивый голос Короля проклятий:

— Кажется, я придумал весёлую забаву...

Двуликий растягивал слова, упиваясь собственной жестокостью.

Любой нормальный маг бежал бы без оглядки от подобных сделок, но Харе был другим. Он послушно, почти кротко отозвался:

«Что я должен сделать?»

— Отруби руку этому мусору, что ошивается рядом, — лениво скомандовал Сукуна. — И тогда я, так и быть, помогу твоим людишкам.

«Ладно. Секунду», — совершенно буднично ответил Харе.

Подобная покладистость застала древнего монстра врасплох. Сукуна ожидал от сопляка стандартной человеческой реакции: праведного гнева, обвинений в жестокости и напыщенных речей о том, что он «никогда не причинит вреда союзнику». Или глупых попыток получить

желаемое даром. На худой конец — упрямого, но трусливого отказа. Но Харе не вписывался ни в один из этих шаблонов.

Спрятавшись за шуршащими стеблями тростника, Харе повернулся к спутнику и с предельно серьёзным видом спросил:

— Слушай, Наоя. Если ради спасения тех людей внизу потребуются отрубить тебе руку... ты ведь не будешь против?

Договорив, он красноречиво скосил глаза на холёную ладонь, всё ещё лежащую на его плече.

Наоя опешил:

— Чего?!

Юный наследник великого клана уставился на подростка как на умалишённого. Спустя затянувшуюся паузу он брезгливо отдернул руку и демонстративно вытер ладонь о рукав собственного традиционного жакета хаори:

— С чего ты взял, что мне вообще доставляет удовольствие к тебе прикасаться?

Надо же, какой ядовитый малый. Если хотел, чтобы его отпустили, мог бы сказать прямо, а не сыпать дурацкими угрозами про отсечение конечностей. Ишь чего удумал, грозить самому Наое Дзэнъину! Жалкий выскочка.

— Да нет, я совсем о другом... — пробормотал Харе и вздохнул. — Ладно, забудь. Погоди ещё немного.

Мысленно он вернулся к диалогу в своей голове:

«Сукуна, он отказался. Есть другие предложения?»

— Тогда прикончи его, — безразлично бросил Дзуликий.

Предыдущее условие с отсечением руки было секундным капризом — Королью проклятий банально не понравилось, что какой-то жалкий червяк лапает его законную «добычу». Сукуне было плевать на увечья Наои. Ему хотелось загнать Харе в тупик, заставить метаться в невыносимом выборе и понаблюдать, как тот будет извиваться, пытаясь угодить кровожадному божеству.

Выслушав новый ультиматум, Харе покорно кивнул:

«Хорошо. Минутку».

И вновь повернулся к Наое.

Наоя почувствовал, как по спине пробежал холодок. Видеть, как собеседник сперва впадает в ступор с остекленевшим взглядом, а затем внезапно фокусируется на тебе с каким-то жутким, фанатичным спокойствием — зрелище не для слабонервных. Интуиция мага всю трубила об опасности.

Опасения подтвердились мгновенно. Харе вдруг расплылся в очаровательной, невероятно милой улыбке и весело, будто предлагал отведать японских сладостей, спросил:

— Слушай, Наоя, раз уж руку отдавать тебе жалко... может, ты просто согласишься умереть?

— Чего?! Ты хоть сам понимаешь, какой бред несёшь?! — Наоя мгновенно подобрался, лицо его исказила злоба. Острый взгляд сузился, сканируя подростка сверху вниз. В глубине зрачков сверкнула нешуточная жажда крови. — Или погоди... Ты уже в курсе, что старейшины приказали мне прикончить тебя на этой миссии, и теперь просто издеваешься?

— Что?! — Харе отшатнулся, округлив глаза от неподдельного шока. — Погоди... Эти старые маразматика хотят моей смерти?!

Парень застыл как громом поражённый. Он-то, наивный, искренне полагал, что эта поездка на глухой остров — обычное испытание для проверки его навыков!

Смятение на лице Харе было столь очевидным, что Наоя растерялся:

— Так ты... реально не знал?

А ведь всё лежало на поверхности. Захолустная глушь, отрезанный от мира клочок суши среди океана, чертовски жуткая аномалия с прорастанием деревьев сквозь людей... Идеальные декорации для того, чтобы бесследно избавиться от неудобного сопляка. После возвращения можно списать всё на несчастный случай: мол, пал смертью храбрых в бою с проклятием, обратился в древесину, спасти не удалось. И даже если великий Годжо Сатору захочет разнести Главное управление магии в щепки, предъявить им будет нечего. В конце концов, шаманы гибнут пачками каждую неделю.

К тому же старейшины сработали чисто: перед тем как отправить Харе на убой, они благополучно спровадили Годжо Сатору и Гето Сугуру на срочное задание по возвращению украденных проклятых объектов особого ранга. Идеальный отвлекающий манёвр, чтобы два сильнейших мага современности не путались под ногами и не сорвали казнь.

От масштаба заговора у Харе перехватило дыхание. Он растерянно моргнул и, медленно

покачав головой, выдавил:

— Нет... Я даже не догадывался.

— Какая же ты глупая посредственность, — соизволил прокомментировать ситуацию Король проклятий.

Наоя, внезапно осознавший, что самолично выдал секретный приказ верхушки с потрохами, застыл с приоткрытым ртом.

Над притихшим камышом повисло тяжёлое, удушливое молчание. Ситуация стала до неприличия неловкой.

<http://bllate.org/book/19043/1943746>